

Рэнд, 2011б – Рэнд А. Добродетель эгоизма. М.: Альпина Паблишерз, 2011. 186 с.

Рэнд, 2011в – Рэнд А. Романтический манифест: Философия литературы. М.: Альпина Паблишер, 2011. 199 с.

Шацкий, 1990 – Шацкий Е. Утопии // Шацкий Е. Утопия и традиция / общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990. С. 15-204.

Шляпентох, 2010 – Шляпентох В. Айн Рэнд: её марксистские и большевистские корни // Новое литературное обозрение. 2010. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/4/ajn-rend-ee-marksistskie-i-bolshevistskie-korni.html> (дата обращения: 01.10.2025).

Янг, 1991 – Янг М. Возвышение меритократии // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежн. лит. / сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. С. 317-346.

Allen, 2011 – Allen A. Michael Young's *The Rise of the Meritocracy*: A Philosophical Critique // British Journal of Educational Studies. 2011. Vol. 59, no. 4. P. 367-382.

Jameson, 2010 – Jameson F. Utopia as Method, or the Uses of the Future // *Utopia/Dystopia: Conditions of Historical Possibility*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2010. P. 21-44.

Levitas, 2013 – Levitas R. *Utopia as Method: The Imaginary Reconstitution of Society*. London: Palgrave Macmillan, 2013. 268 p.

Misseri, 2020 – Misseri L. E. *Evantrópia and Dysantropia: A Possible New Stage in the History of Utopias*. 2020. URL: https://notablesdelaciencia.conicet.gov.ar/bitstream/handle/11336/133108/CONICET_Digital_Nro.99ff73e0-8ce2-4819-a906-509e68fcda3f_A.pdf?sequence=2&isAllowed=y (дата обращения: 01.10.2025).

УДК 304

Лоскутов Ю. В.,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

«Лишние люди» в условиях позднего капитализма

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-4-51-58

Капиталистический способ производства на исходящем этапе своей эволюции обостряет проблему невостребованности людей в экономике. Одним из характерных проявлений этой невостребованности выступает массовое распространение «бредовой», бесполезной для общества работы. Двумя альтернативными путями решения указанной проблемы выступают «культура

утилизации», связанная с рентой, и «культура развития», связанная с увеличением числа учителей, врачей и социальных работников. Протекающий сегодня процесс превращения рыночной модели капитализма в рентную сопровождается формированием системы социально ориентированного перераспределения общественного продукта. Рента может способствовать социальному прогрессу только тогда, когда она становится средством для развития производительных сил, и прежде всего – самого человека. Такое развитие осуществляется благодаря тому, что правильно используемое свободное время является условием формирования человека как главной производительной силы. Кроме того, дополнительное свободное время может использоваться для развития производства в «третьем секторе» экономики, способном формировать предпосылки преодоления позднего капитализма как общественного строя, массово порождающего человеческую невостребованность. В случае активного участия получателей ренты в общественном производстве, рента перестает играть свою «утилизирующую» общественную роль и становится одним из институтов социального развития.

Ключевые слова: капитализм, «бредовая» работа, рента, социальное развитие.

Loskutov Yu.V.,
*Candidate of Philosophy, Docent,
Associate professor of Department of Philosophy, Perm State University.*

“Superfluous people” under late capitalism

The capitalist mode of production at the downward stage of its evolution exacerbates the problem of people's unclaimedness in the economy. One of the characteristic manifestations of this unclaimedness is the mass spread of “bullshit” work, which is useless for society. The two alternative solutions to this problem are a “culture of utilization”, linked to rent, and a “culture of development”, linked to an increase in the number of teachers, doctors and social workers. The current process of transforming the market model of capitalism into a rent-seeking one is accompanied by the formation of a system of socially oriented redistribution of the social product. Rent can contribute to social progress only when it becomes a means for the development of productive forces and, above all, of man himself. Such development is realized due to the fact that properly used free time is a condition for the formation of human as the main productive force. In addition, supplementary free time can be used for the development of production in the “third sector” of the economy, which can form the prerequisites for overcoming late capitalism as a social system that massively generates human unclaimedness. In the case of active participation of rent recipients in social production, rent ceases to play its “utilizing” social role and becomes one of the institutions of social development.

Keywords: *capitalism, “bullshit” work, rent, social development.*

Поиск человеком своего достойного места в жизни является не только экзистенциальной и этической, но и социально-философской проблемой. Разложение капиталистической общественно-экономической формации увеличивает остроту этой проблемы в глобальном масштабе.

Капиталистический способ производства в принципе нуждается в «лиших» для него людях, в существовании «промышленной резервной армии труда» [Маркс, 1960: 646]. Однако по мере автоматизации производства всё большее количество людей становится «лишними» для капитализма. Не только отдельные социальные слои, но и целые регионы и даже страны «становятся ненужными (с точки зрения доминирующих экономических интересов) в новой структуре международного разделения труда и потому становятся социально исключенными» [Кастельс, 2000: 124]. Попытки этих исключенных представителей «Четвертого мира» найти себе место в текущей капиталистической системе нередко приводят к их вовлечению в международную преступную деятельность [Кастельс, 2000: 493].

Однако и, казалось бы, благополучные слои населения в развитых регионах мира нередко чувствуют себя «лишними». Общая атмосфера невостребованности оказывает деморализующее воздействие на людей даже тогда, когда у них есть деньги. Развитые страны стоят перед угрозой демографического коллапса – люди перестают воспроизводить себе подобных даже во внешне благоприятных условиях. (Приток иммигрантов из Третьего мира является лишь временным и палиативным решением демографической проблемы развитых стран, так как в Третьем мире рождаемость тоже постепенно снижается). Более того, на Западе популяризируется идея эвтаназии даже для тех людей, которые не являются смертельно больными [Никольский, Панищев, 2011: 91]. Не столь радикальная стратегия предполагает создание многочисленных не нужных для общественного развития рабочих мест [Фишман, 2023], на которых люди занимаются, по словам Д.Гребера, «бредовой работой». Бредовая работа – это «настолько бессмысленная, ненужная или вредная оплачиваемая форма занятости, что даже сам работник не может оправдать ее существование, хотя в силу условий найма он чувствует необходимость притворяться, что это не так» [Гребер, 2020: 43]. Более трети работников в некоторых странах Запада уверены в том, что их работа на самом деле никому не нужна [Гребер, 2020: 38]. Изобилие бредовой работы – это одна из черт отмирания классического капитализма, при расцвете которого такого изобилия просто не могло быть [Гребер, 2020: 251, 270]: «Это всё больше превращается в систему извлечения ренты, внутренняя логика которой ... в корне отличается от капиталистической ... Во многих отношениях это напоминает классический средневековый феодализм с его аналогичной склонностью создавать бесконечные иерархии сеньоров, вассалов и слуг» [Гребер, 2020: 270]. Правда, различие с феодальным обществом состоит здесь в том, что «средневековый кузнец или мыловар мог заниматься своей работой,

будучи уверен, что ни один человек, который сам не является кузнецом или мыловаром, не будет рассказывать ему, что он что-то делает неправильно. Очевидно, что промышленный капитализм это изменил, а развитие менеджериализма в XX веке продвинуло процесс еще дальше ... Стремление к "эффективности" привело к тому, что менеджеры, руководители и другие так называемые эксперты по вопросам эффективности стали обладать всё большей и большей властью, а настоящие производители почти лишились автономии» [Гребер, 2020: 253].

В общественной ситуации, во многом сходной со средневековьем, возникла концепция превращения капитализма в неофеодализм, в пользу которой Дж.Дин приводит следующие аргументы: «Накопление капитала происходит уже не через эксплуатацию труда, но посредством экспроприации, ренты, долгов и штрафов ... Капитализм всецело зависит от силового принуждения, внеправового обогащения, принудительных изъятий и разорения, ему необходима укорененная, передающаяся по наследству иерархия» [Дин, 2019: 103]. На это можно возразить то, что мощное влияние не экономических отношений в средневековом обществе было обусловлено неразвитостью экономических связей, а влияние современных не экономических отношений – наоборот, достижением исторического предела развития экономических отношений капитализма [Коряковцев, 2022: 96-97]. (Кроме того, недостатком концепции неофеодализма является дефицит внимания по отношению к повседневной жизни обычных людей, сосредоточение теоретического анализа лишь на деятельности элиты).

«Бредовая работа» концентрируется как в сфере услуг, так и в «превратном секторе», которые отчасти пересекаются друг с другом. Что касается сферы услуг, то назойливое воспроизведение отношений господства-подчинения, характерных для классового общества, привело к тому, что «возник целый класс, представители которого, кривясь от отвращения, прислуживают клиентам (которые всегда правы), но компенсируют это, пользуясь услугами других (опять же, клиент всегда прав) ... Впрочем, если мы будем рассматривать словосочетание "сфера услуг" как эвфемизм, означающий сферу воспроизведения отношений господства и подчинения на микроуровне, то ее экспансия не будет удивительной. В ситуации, когда необходимость экономической или военной полезности граждан вытесняется необходимостью нейтрализации "лишних людей", традиционные сферы действительно полезной деятельности обречены всё больше пропитываться духом "сервиса" – как теперь уже главным своим содержанием. Когда уже нет нужды производить товары и услуги, возрастает необходимость воспроизводить определенные общественные отношения сами по себе, лишь только придавая им видимость полезной деятельности» [Фишман, 2023: 27].

«Превратный сектор» экономики, характерный для общества позднего капитализма, бурно развивается во всемирном масштабе. В этом секторе создаются не полезные для общественного развития блага, а их превратные формы – «символы, знаки, симулякры, удовлетворяющие фантомные

потребности в фантомных результатах, признаваемых исключительно фантомно созданной средой» [Бузгалин, 2018: 22]. Так, расходы американских корпораций на новые средства производства уступают расходам этих корпораций на финансовую и спекулятивную деятельность [Dyer-Witheford, Kjøsen and Steinhoff 2019: 45] – в итоге это приводит к деиндустриализации [Мусаелян, 2016: 93].

По мнению Л.Г.Фишмана, проблема «лишних людей», порождаемая капитализмом, может решаться либо с помощью «культуры утилизации», либо с помощью «культуры развития». Первая представляет собой организацию общественно-политической жизни общества вокруг борьбы за ренту, а вторая – радикальное увеличение количества учителей, врачей, социальных работников и т. д. с целью существенного повышения качества жизни людей и тем самым – прекращения вымирания населения [Фишман, 2023: 27-28, 31].

Сегодня «глобальный мир демонстрирует отчетливые признаки превращения рыночной модели капитализма в рентную» [Фишман, Мартынов, Давыдов 2019: 70]. Можно долго спорить об объеме и содержании понятия ренты, и такие споры уже идут [Фишман, Мартынов, Давыдов 2019: 73; Кондрашов, 2021: 21; Коряковцев, 2022: 95], но, так или иначе, распространение различных видов ренты в социуме XXI века привело к появлению понятия «рентное общество» [Фишман, Мартынов, Давыдов 2019: 389]. Теперь «впору говорить о становлении общества рантье – откате в эпоху, когда власть и богатство обусловливались наследственными привилегиями ... Сюда же можно добавить ... рентное состояние российской экономики (и других «сырьевых» экономик)» [Давыдов, 2016: 25]. Государство сегодня всё чаще занимается извлечением административной ренты, действуя в собственных интересах и наращивая свои избыточные функции [Фишман, Мартынов, Давыдов 2019: 96]. В таком случае политическая элита способствует разрастанию доли ренты на свое обслуживание в большей степени, нежели развитию механизмов генерирования не рентных доходов [Фишман, Мартынов, Давыдов 2019: 204]. Впрочем, рента не обязательно является сырьевой или административной – ренту можно получать также с культуры, социального капитала и «приватизации общего знания» [Фишман, Мартынов, Давыдов 2019: 71]. Как отмечает Д.А.Давыдов, класс наемных работников извлекает сегодня ренту, обусловленную научно-техническим прогрессом: «Жизнь простого наемного трудящегося стала удобнее и комфортнее, т. к. были изобретены и превращены в товары массового потребления новые автомобили, бытовая техника, лекарства или продвинутые гаджеты» [Давыдов, 2016: 24]. Таким образом, понятия ренты и рентного общества сегодня формируются, скорее, индуктивным, нежели дедуктивным, путём.

При этом стоит иметь в виду то, что любая рента в конечном счете является результатом труда [Коряковцев, 2022: 95], хотя welfare state и «общество потребления», отрицающие самоценность труда-работы, выступают в качестве существенных исторических шагов к провозглашенному Марксом «уничтожению труда» [Коряковцев, Вискунов 2017: 645] – труд-работка

постепенно изживает себя в ходе своей эволюции. В результате незавершенного отрицания капиталистического способа производства сложилась система социально ориентированного перераспределения общественного продукта в пользу трудящихся, состоящая из «бесплатных» социальных услуг, распространяющихся на лояльных граждан [Коряковцев, 2013: 40] – возрастание социальной помощи порождает дополнительную политico-административную зависимость трудящихся от высшей бюрократии [Коряковцев, 2022: 626-627], что увеличивает политическую устойчивость социальных государств.

Доминирование ренты в распределении национального богатства (и тем самым – доминирование «культуры утилизации») может порождать откровенно негативные с нравственной точки зрения эффекты. Так, российские обыватели в 2014-2022 гг. нередко высказывались в социальных сетях против принятия в состав Российской Федерации жителей Донецкой и Луганской народных республик – жителей Донбасса несправедливо рассматривали просто как еще одних получателей конечной по своим размерам сырьевой ренты.

Популярной сегодня идеей ренты является идея безусловного основного дохода, однако обеспечение такого дохода в размере, превышающем уровень бедности, является в сегодняшних бюджетных условиях финансово не реализуемым [Капелюшников, 2020: 32-33; Давыдов, 2024: 528]. При этом «оптимизация» (с целью изыскания средств для безусловного основного дохода) бюджетных расходов на образование и медицину путем замены множества «живых» специалистов «искусственным интеллектом» приведёт эти сферы к неизбежной деградации [Давыдов, 2024: 532-533]. Для решения указанной бюджетной проблемы, вероятно, имеет смысл на протяжении какого-то времени использовать переходные формы безусловного основного дохода – «меры, расширяющие охват получателей трансфертов и обеспечивающие удовлетворение потребностей на уровне, близком к базовым условиям развития» [Универсальный базовый доход, 2022: 18]. Однако, возможно, еще разумнее было бы максимизировать качество труда и количество занятых в социальной сфере, включая медицину и образование, вместо пассивного получения безусловного основного дохода не трудящимися людьми [Давыдов, 2024: 530, 535].

Кроме того, Р. И. Капелюшников критически отмечает, что «пропагандистская кампания, развернутая вокруг базового дохода, послужила каналом переключения внимания общества с проблем роста на проблемы перераспределения» [Капелюшников, 2020: 42]. Действительно, безусловный основной доход может способствовать социальному прогрессу только тогда, когда он не прожигается впустую, становясь средством для обеспечения человеческой деградации, а тем или иным образом существенно способствует развитию производства, развитию производительных сил. Каким образом та или иная рента может содействовать такому развитию?

Вопреки распространенному в науке представлению о ренте лишь как о бесполезной «черной дыре» экономики, рента способствует увеличению свободного времени, а современная промышленность использует ту рабочую

силу, которая уже сформировала себя в свободное время [Lazzarato]. Таким образом, правильно используемое свободное время является условием формирования человека как главной производительной силы. Кроме того, добавочное свободное время может использоваться для развития производства в «третьем секторе» экономики [Ван Парайс, Вандерборхт, 2020: 211]. Коллективное самоуправление в рамках «третьего сектора» важно потому, что, как указывает К.Маркс, присвоение работниками своего прибавочного продукта является условием того, чтобы свободное время стало мерой общественного богатства [Маркс, 1969: 217]. Важно и то, что «третий сектор» может наполняться «островками коммунизма внутри капиталистического общества» [Ван Парайс, Вандерборхт, 2020: 211], что потенциально способствует преодолению позднего капитализма как общественного строя, массово порождающего человеческую невостребованность. В случае активного участия получателей ренты в общественном производстве, рента перестает играть свою «утилизирующую» общественную роль и становится одним из институтов социального развития.

Список литературы

- Бузгалин, 2018 – *Бузгалин А. В.* Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 10-38.
- Ван Парайс, Вандерборхт, 2020 – *Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я.* Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 440 с.
- Гребер, 2020 – *Гребер Д.* Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. 440 с.
- Давыдов, 2016 – *Давыдов Д. А.* Смена общественно-экономической формации? Несколько слов о рентном обществе и перспективах посткапитализма // Свободная мысль. 2016. № 4. С. 19-30.
- Давыдов, 2024 – *Давыдов Д. А.* Стратегии социального государства в эпоху «умных машин»: от максимизации занятости к минимизации труда? // Журнал исследований социальной политики. 2024. № 22 (3). С.525-540.
- Дин, 2019 – *Дин Дж.* Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. Т. 29. № 6. С.85-116.
- Капелюшников, 2020 – *Капелюшников Р. И.* Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее? : препринт WP3/2020/04. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 52 с.
- Кастельс, 2000 – *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкарата. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
- Кондрашов, 2021 – *Кондрашов П. Н.* Вероятное будущее глобализирующегося капитализма: рентное общество // Свободная мысль. 2021. № 2. С.15-24.

Коряковцев, 2013 – Коряковцев А. А. Антикапиталистическая революция индустриальной эпохи: проблема естественноисторических пределов в марксистской традиции // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Том 13. Вып. 3. С. 38-50.

Коряковцев, 2022 – Коряковцев А. А. Современное капиталистическое общество: исторические пределы ближайших социальных перемен и их общественный субъект // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2022. № 5. С. 93-103.

Коряковцев, Вискунов, 2017 – Коряковцев А. А., Вискунов С. В. Марксизм и полифония разумов: Драма философских идей в 18 главах с эпилогом. Москва; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. 684 с.

Маркс, 1960 – Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 43-784.

Маркс, 1969 – Маркс К. Экономические рукописи 1857-59 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 5-392.

Мусаелян, 2016 – Мусаелян Л. А. Исторический процесс и глобализация. Пермь: ПГНИУ, 2016. 128 с.

Никольский, Панищев, 2011 – Никольский Е. В., Панищев Е. Л. Эвтаназия – как феномен антропологической катастрофы // Социально-политические науки. 2011. № 1. С. 89-94.

Универсальный базовый доход, 2022 – Универсальный базовый доход: шанс для России? Под ред. В. Н.Бобкова (отв. ред.), Е. В.Одинцовой. М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова; Ижевск: Шелест, 2022. 360 с.

Фишман, 2023 – Фишман Л. Г. Проблема «лишних людей» на сломе эпох: культура утилизации или культура развития? // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 2. С. 12-34.

Фишман, Мартынов, Давыдов, 2019 – Фишман Л. Г., Мартынов В. С., Давыдов Д. А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 416 с.

Dyer-Witheford, Kjøsen, Steinhoff, 2019 – Dyer-Witheford N., Kjøsen A. M. and Steinhoff J. Inhuman Power. Artificial Intelligence and the Future of Capitalism. Pluto Press. London. 2019. 224 p.

Lazzarato – Lazzarato M. Immaterial Labor. URL: <https://www.generation-online.org/c/fcimmateriallabour3.htm> (дата обращения: 07.03.2025)